

УДК 342.72/.73

УНИВЕРСАЛИЗМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ МИРА

Л.Х. Мингазов

Аннотация

В статье анализируются аргументы сторонников культурного релятивизма в вопросе о правах человека, трудности адаптации универсальных прав человека, закрепленных в международных соглашениях, в ряде регионов и стран, таких, как Китай, Пакистан, Иран, тропическая Африка.

Ключевые слова: универсализм, культурное многообразие мира, регионализм, культурный релятивизм, глобализация, права человека, ООН.

Одна из постоянно дискутируемых в контексте прав человека проблем – это их оценка в качестве универсальных или относительных. Международные нормы о правах человека имеют универсальный характер, что соответствует природе прав человека. Процесс универсализации прав человека начался после второй мировой войны с созданием ООН, в Уставе которой было заявлено о решимости «вновь утвердить веру в основные права личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство больших и малых наций». Эти намерения организации были подтверждены принятием универсальных документов – Международного билля о правах человека, включающего Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., Международные Пакты о правах человека, открытые к подписанию 16 декабря 1966 г., и др. актов.

Однако в некоторых регионах мира изначально существовали определенные несоответствия «универсальности» прав человека социально-культурному фону страны, менталитету народов, сформировавшихся в иных традициях (культурных, религиозных, общинных и др.). Поэтому наряду с широким распространением универсальных стандартов в области прав человека их глобализацией развивался другой процесс – регионализация, то есть создание стандартов и механизмов защиты прав человека, соответствующих традициям и культуре региональных образований. Принятие важнейших региональных актов о правах человека (см. [1, 2]) подчеркнуло органическую включенность последних в культуру, религию, традиции, образ жизни стран различных регионов мира. В текстах преамбул и в содержании указанных актов получили отражение идеи и исторические традиции стран, принявших эти документы.

В эпоху глобализма возрождается индивидуальная самобытность народов. При существующей тенденции к унификации в современном мире заметно стремление народов сохранить историческое наследие, национальную или религиоз-

ную идентичность. Объективно обусловленные и неизбежные процессы глобализации не привели автоматически, как считали многие западные политики и социологи, к возникновению универсальной всемирной культуры, основанной на западной системе ценностей. Попытки Запада распространять свои идеи, понятия демократии, либерализма и т. д. в качестве общечеловеческих ценностей и утвердить свои экономические интересы вполне естественно наталкиваются на сопротивление народов, принадлежащих к другим цивилизациям¹.

В течение десятилетий мировой порядок складывался в соответствии с соображениями идеологии, поддержания баланса сил. Сейчас же наряду с этими факторами все большую роль в функционировании миропорядка играют факторы цивилизации, культурного многообразия, религиозные различия. Достаточно привести в качестве примера конфликты в Персидском заливе, Югославии, Азербайджане, Армении, в которых свою роль сыграли, наряду с другими обстоятельствами, и такие, как синдром «братских стран», то есть принадлежность сторон в конфликте к одной цивилизации, культуре и религии. Также можно отметить факт признания Словении и Хорватии со стороны Ватикана и Европейского союза, где ведущие страны европейской цивилизации сплотились для поддержки своих единомышленников.

Интенсивные интеграционные процессы все более ощутимо сказываются на универсализации прав человека, распространяясь в той или иной форме и на неевропейские регионы. Они во многом предопределяются цивилизационными особенностями, укоренившимися традициями и обычаями, которые препятствуют восприятию чуждых конкретной социокультурной системе бытия утвердившихся на международном уровне ценностей и стандартов прав человека или отторгают их, тем самым подрывая идею и принцип их универсальности². Исследователи отмечают трудности адаптации универсальных прав человека в ряде регионов и стран, таких, как Китай, Япония, Индия, тропическая Африка. Так, изучение прав человека в традиционном обществе на материалах тропической Африки позволило сделать вывод о том, что, какова бы ни была степень проникновения западных либеральных ценностей в африканские страны, в них не происходит тотальной смены социальной системы, бесконфликтного утверждения универсальных норм и стандартов в сфере прав человека. Отмечается, что существует определенная мера культурного влияния развитых стран, по исчерпанию которой происходит откат, возврат к прежним нормам социокультурного бытия. Африканский традиционализм пока одержал победу над западными ценностями (см. [4, с. 366–367]).

Суть дискутируемой в контексте прав человека проблемы соотношения универсальности и культурного релятивизма заключается в том, что признанные на международном уровне в качестве универсальных и закреплённые в международных актах права человека, которые должны соблюдаться всеми и

¹ Суть западной культуры, как отметил С. Хантингтон, - это Magna Carta, а не Magna Mc Donalds, однако при продвижении западной культуры в незападную часть мира происходит ее опошление, следствием чего является отторжение всей непонятой совокупности ценностей населением этих стран, в том числе и базовых демократических ценностей. Такой обратный процесс мы наблюдаем сегодня во многих странах, еще недавно называвшихся странами «новой демократии» (см. [3]).

² Это прежде всего характерно для традиционных обществ, где религиозные установления, кастовая структура и ее обычаи являются основными регуляторами статуса и поведения индивида.

езде, в формате регионов под воздействием различных социокультурных, национальных традиций и обычаев, религиозных и иных факторов утрачивают признаки и качества универсальности и обретают значение или статус относительных.

В международно-правовой доктрине это получило отражение в концепциях универсализма, регионализма, культурного релятивизма к проблеме защиты прав человека, в частности к толкованию международных актов, их обязательной силы, а также в конкретной позиции государств в рамках ООН (Иран, Китай, Индонезия). Дискуссии вокруг универсальности прав человека часто основываются на аргументах достаточно простых. Согласно одному из них, универсализм существует, поскольку права человека одни и те же повсюду. Согласно другим утверждениям, бесполезно говорить об универсализме прав человека, поскольку имеются большие различия концептуального порядка, то есть концепции прав человека различны в разных государствах. Третий аргумент: концепция прав человека родилась в Европе, и она не является совершенной. Другие континенты могут лишь принять ее.

Приверженцы так называемого культурного релятивизма (относительности прав человека) отрицают универсальный характер прав человека, исходя из очевидных различий, присущих отдельным локальным культурам, допускают и оправдывают применительно к последним все возможные отступления или ограничения, введение различных оговорок в отношении общепризнанных стандартов по правам человека.

Наиболее определенно идеи культурного релятивизма были высказаны делегацией Китая, Ирана при обсуждении проблем прав человека в рамках ООН и Всемирной конференции по правам человека, которая состоялась в Вене в 1993 г. Так, в заявлении Китая говорилось о том, что концепция прав человека является продуктом исторического развития. Страны на различных этапах развития или с различающимися историческими традициями и культурными ценностями имеют различное понимание и практику в области прав человека. Соответственно нельзя считать, что стандарты и модели прав человека, принятые некоторыми странами, являются единственными, и нельзя требовать, чтобы все страны подчинялись им. Попытки навязывать критерии прав человека, принятые одними странами или регионами, ведут к нарушению суверенитета стран и вмешательству в их внутренние дела. Взгляд о том, что принцип невмешательства во внутренние дела неприменим в этой области, есть не что иное, как форма политического давления (см. [5]). Следует отметить, что в последние годы происходят изменения в позиции Китая. Согласно его современному подходу «в деле обеспечения и защиты прав человека значительную роль играет межгосударственное сотрудничество и соблюдение основополагающих международных соглашений по правам человека»¹. Представитель Ирана в ООН в одном из своих выступлений привел ряд аргументов для обоснования того, по-

¹ Например, это проявилось в том, что Китай ратифицировал ряд международных документов по правам человека. Если первоначально Китай рассматривал вопросы, относящиеся к правам человека, как исключительно внутреннее дело, то в 1990-х годах позиция страны определенно меняется: КНР начинает активно сотрудничать с различными органами ООН, контролирующими процесс соблюдения прав человека (см. [6]).

чему следует пересмотреть некоторые идеи, получившие отражение во Всеобщей Декларации прав человека [7]. Один из них состоит в том, что имеются существенные различия между доктриной прав человека в Исламской Республике Иран и ценностями, получившими закрепление в этом документе. Всеобщая Декларация прав человека не может применяться мусульманами и не соответствует системе ценностей, признанной в Иране. В связи с этим его страна имеет право нарушать положения Декларации, поскольку она стоит перед выбором нарушения божественного права своей страны и нерелигиозного документа. Конвенции, резолюции и декларации международных организаций, нарушающие принципы ислама, не имеют силы в Исламской Республике Иран. Представитель Индонезии на конференции 1993 г. призвал все страны к большему пониманию чрезвычайной сложности проблемы прав человека, вызванной различиями в истории, культуре, системе ценностей, географии и стадий развития государств мира [8]. Ни одна страна или группа стран, подчеркнул он, не могут притязать на роль судьи, жюри и исполнителя в отношении других стран по столь сложному вопросу. Хотя права человека по своей природе универсальны, сейчас общепризнанно, что их выражение и применение в национальном контексте должно оставаться прерогативой каждого отдельного правительства.

В связи с приведенными высказываниями официальных представителей государств и аргументов сторонников концепции культурного релятивизма необходимо высказать несколько аргументов. Каталог прав человека, провозглашенный во Всеобщей декларации прав человека и других международных документах ООН, был выдвинут как универсальный, одинаково приемлемый для всех стран и народов¹. Государства – члены ООН, подписывая Устав организации, приняли на себя обязательство соблюдать общепризнанные стандарты поведения в отношении своего населения. В особенности это относится к таким стандартам, как защита жизни, свобода от пыток, свобода мысли и право на справедливое судебное разбирательство. Некоторые государства, заявившие о необходимости учета культурных различий, также упускают из виду, что международные Пакты о правах человека были приняты в результате многосторонних переговоров. Власти этих стран, в частности Ирана, добровольно ратифицировали Пакт, поскольку они сочли, что он совместим с основными культурными ценностями их страны. Поэтому с формальной точки зрения, по справедливому замечанию представителя Югославии в Комитете по правам человека, не имеет значения, каковы культурные или иные ценности тех или иных стран (см. [9]).

Нетрудно заметить, что приведенные выше соображения относительно несостоятельности аргументации сторонников культурного релятивизма носят формально-юридический характер. В действительности же тезис о том, что универсальные международные акты по правам человека содержат вневременные универсальные ценности, является самоочевидной истиной главным обра-

¹ Международные Пакты о правах человека содержат также нормы, которые отражают общий опыт и общее наследие всех народов мира. Они устанавливают универсальные стандарты поведения для всех государств современного мира, причем ряд таких норм международного права приобрел характер норм *jus cogens*.

зом для европейского мышления, и он воспринимался и ныне воспринимается с трудом народами других регионов и культур, несмотря на то что некоторые из них включали эти образцы в свои Конституции и региональные документы. Так, например, эти «самоочевидные» истины не были осознаны и восприняты ни в дореволюционной России, ни в Советском Союзе, в котором о правах человека писали «так называемые» права. Даже в постсоветской современной России идет трудный процесс овладения «культурой прав человека». Правовая система России и сегодня страдает рядом недостатков. Далекое не все обязательства могут быть выполнены в нынешних условиях. Российское законодательство и практика его применения крайне медленно приводится в соответствие с европейскими стандартами. Это относится прежде всего к отраслевому законодательству. Отсутствуют существенные сдвиги в защите прав граждан судебными и административными органами. Нарушаются правовые нормы, связанные со свободой передвижения, условиями содержания под стражей арестованных или задержанных лиц, не обеспечены права внутренних мигрантов, права детей, инвалидов. К этому следует добавить и нарушение положения о сроках содержания под стражей лиц до судебного разбирательства¹.

Нельзя не отметить определенную тенденцию, проявляющуюся в принятии на уровне регионов международных актов по правам человека, в которых каталог прав и свобод в основном повторяет универсальный набор, провозглашенный во Всеобщей декларации прав человека и в других основополагающих универсальных международно-правовых документах по правам человека. Так, Американская конвенция о правах человека, принятая в 1969 г. (вступила в силу в 1978 г.) вслед за Международными пактами о правах человека 1966 г. и явно под их влиянием, содержит развернутый и подробный перечень прав и свобод со ссылкой на «высокие стандарты в отношении экономических, социальных, образовательных, научных и культурных прав», включенных в Устав ОАГ еще в 1967 г. согласно Протоколу, принятому в Буэнос-Айресе.

Все это свидетельствует об активном процессе универсализации норм о правах человека в региональных документах. Вместе с тем нельзя не отметить проблемы, возникающие как на уровне закрепления этих норм, так и при реальном их осуществлении в различных цивилизационных пространствах. Противостояние универсальному статусу прав человека со ссылками на иные культурные «ценности» проявляется, в частности, в прямом отказе ратифицировать те или иные международные конвенции. Например, в случае с Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., правительства некоторых мусульманских и азиатских стран утверждают, что их культура или религия не допускает ее ратификации. И если ратификация все же осуществляется, то сопровождается многочисленными оговорками, противоречащими целям и смыслу Конвенции. На самом деле ссылки на многие принципы и ценности исламского права, на основе которых формулируются права человека, свидетельствуют об утверждении на практике различных интерпретаций по отношению к нормам международного права [10]. Такой подход прежде

¹ Все это связано с неотлаженностью механизма защиты прав человека и контроля за этим процессом, отсутствием ответственности за нарушение прав человека, безнаказанностью чиновников за бездушное отношение к людям.

всего затрагивает права женщин. Допускаемые шариатом ограничения некоторых прав женщин на получение образования, выбор работы, свободу передвижения мусульманские юристы не считают абсолютными, а лишь относительными, если руководствоваться принципом иерархии и соотношения социальных и нравственных ценностей и обязанностей. В соответствии с этим они делают вывод, что шариат не урезает права женщин [10, с. 338]. Об это свидетельствуют и положения Всеобщей исламской декларации прав человека 1981 г., которая закрепляет равноправие женщин с мужчиной при условии выполнения женщиной своих обязанностей и соблюдения требований исламской этики в отношении ее чести и достоинства [11]. Отрицая презумпцию неделимости и универсальности прав человека, сторонники культурного релятивизма утверждают, что международно признанные права человека не имеют отношения к сфере семейного права, положению женщины в семье и обществе и что здесь необходимо придерживаться традиционных ценностей, проявлять терпимость к разнообразию и специфике социальных и культурных обычаев.

Цивилизационные особенности, конфессиональные устои, традиции влияют также на трактовку сущности и границ применения прав человека. Международное право, как известно, допускает возможность ограничения прав и свобод, отступления государства от закрепленных в международных актах прав и свобод человека в условиях чрезвычайных ситуаций (см., например, [12]). Ряд государств использует аргументы сторонников концепции культурного релятивизма для обоснования законности или неизбежности ограничения прав человека в своих странах. Практика ограничения или отступления от гарантируемых региональными актами прав и свобод проявляется в регионах по-разному в зависимости не только от основополагающих принципов демократии и правовых начал, заложенных в такие акты в качестве гарантий соблюдения прав человека, но и от цивилизационных особенностей, конфессиональных устоев, традиций и т. п., которые влияют на трактовку и определение сущности прав человека (см. [10, с. 348]).

Такая ситуация, например, характерна для Африканского Союза. Наиболее часто критикуемая особенность Африканской хартии прав человека и народов состоит в том, что ее положения об ограничении прав и свобод не содержит перечня конкретных оснований, а лишь условия самого общего характера (так называемые *slaw back*). Так, например, ст. 6 гласит: «Никто не может быть лишен свободы иначе, как по причинам и на условиях, заранее определенных законом». Однако в ней не уточняется содержательная и правовая характеристика такого закона, то есть это может быть закон, допускающий любые ограничения. В других статьях (9, 10, 12, 14) данного документа, содержащие ссылки на соблюдение правопорядка, соответствие закону и т. д., не определена или отсутствует процедура оценки их соответствия принципам Хартии и положенным в ее основу международным стандартам, что, существенно ослабляет значение последних [10, с. 349].

Проблема ограничения или отступления от гарантируемых в региональных актах прав и свобод характерна не только для Африканской Хартии. Неопределенность критериев ограничения и их пределов существует и в Американской конвенции, в ст. 30 (Пределы ограничений), где говорится, что ограничения в

отношении наделения и пользования правами и свободами, признанными в Конвенции, не могут быть применены иначе, как в соответствии с законодательством, принятым по соображениям общего интереса и в целях, по которым ограничения были установлены (текст документа см. в [13, с. 154]).

Цивилизационные особенности, традиции, духовные ценности оказывают влияние не только на трактовку и определение сущности прав человека, но и на реальное осуществление международных стандартов прав человека, практику их применения в различных регионах. Поэтому актуальной остается задача согласования различных правовых культур, традиций, обычаев в процессе формирования, а также последующего толкования и осуществления международных норм о правах человека. Имеются объективные и субъективные условия для решения этой задачи (подробней об этом см. [10, с. 314–362]). Дело это сложное и длительное, оно не может быть решено автоматически. При этом необходимо учитывать активное участие в международной жизни развивающихся стран, народы которых уже не выступают как объекты истории, что было характерно для прежней системы международных отношений и международного права. Наряду с западными странами они начинают сами двигать и творить историю. У них достаточно стремления, ресурсов и воли, чтобы придать миру незападный облик. И с этой реальностью нельзя не считаться.

Универсальность прав человека основана на единстве и универсальности человеческой личности. Поскольку все существующие сообщества признают ценность человеческой личности, они могут достичь согласия относительно минимальных стандартов по защите прав человека, учитывая особенности различных стран и регионов. Следует отметить, что нормотворчество в области прав человека – динамичный и незавершенный процесс. Оно зависит от самих государств и их политической воли. В Бангладешской декларации азиатских государств 1993 г. в этой связи отмечалось: «Хотя права человека универсальны по своей природе, они должны рассматриваться в контексте динамического и эволюционирующего процесса международного нормотворчества, с учетом значимости национальных и региональных особенностей и различных исторических, культурных и религиозных контекстов» (см. [14]).

От западных стран потребуются более глубокое понимание фундаментальных философских, религиозных и социокультурных основ других существующих в мире цивилизаций. Им необходимо будет понять и учитывать, как люди этих цивилизаций представляют себе свои интересы. Представители же западной цивилизации, со своей стороны, не могут не учитывать фактор глобализации, объективной тенденции возрастания взаимозависимости государств в современном мире. Он ставит перед всеми государствами задачу разработки и принятия единых правил поведения, обязательных для всех. При этом несхожесть, контраст в образе жизни, мышлении, культуре может, как ни парадоксально, иметь позитивное влияние, поскольку именно осознание различий влечет за собой стремление найти общее и терпимее относиться друг к другу.

Глобализация связана с мощным ускорением научно-технического прогресса, который создает условия для взаимодействия и сотрудничества государств, обмена информацией и идеями. Все это представляет собой необходимое условие нормального развития современного мира, ибо глобальное про-

странство не может существовать без определенной стандартизации. И чем дальше продвигаются общества по пути эволюции, тем более похожими они становятся, тем более торжествуют универсалистские ценностные ориентации. Это, несомненно, влияет на направленность развития политико-правовых институтов глобального общества. В современных условиях глобализм в области политики и экономики должен быть дополнен глобализмом обеспечения прав личности¹. В связи с этим встает вопрос о пределах и способах распространения универсальных идей и ценностей, иначе говоря, о допустимости применения принуждения в этом вопросе. Насколько правомерными и необходимыми являются попытки навязать некие идеи, образ жизни отдельным народам, странам, для которых эти идеи могут быть изначально чужды, а в случае несогласия – внедрить эти ценности по праву сильного, ссылаясь на необходимость обеспечения блага сильного? Представляется, что подобная практика себя скомпрометировала (см. [15]). Реакция противодействия насильственному внедрению чуждых ценностей, в том числе правовых институтов, в другие культурные группы приводит к смене однополярного мира, который мы наблюдали в последние годы, к множественным очагам напряжения, не поддающимся эффективному контролю со стороны международного сообщества и направленным на сопротивление этой гегемонии, на конфронтацию, а значит, не на созидание, а на разрушение. Существующий опыт разрешения международных конфликтов и проведения «гуманитарных интервенций» подтверждает принципиальную невозможность силовых решений при обеспечении прав личности. Анализ стратегической цели НАТО на Балканах показывает, что если все «цели «гуманитарной интервенции» в регионе и были частично достигнуты, то это произошло при массовом нарушении прав человека, абсолютно жестком для конфликтующих сторон, как для сербов, так и для хорватов и косоваров.

Сложность проблемы согласования различных правовых культур, традиций и обычаев ставит задачу поиска новых интерцивилизационных подходов к проблеме защиты прав человека с учетом новых тенденций развития человечества (см. [16, с. 33] и др.). Представляет интерес, например, идея расширения традиционной концепции универсализма прав человека в целях более полного использования механизма обеспечения гарантий прав личности в зонах политических конфликтов [16, с. 33]. Применение для этих целей лишь традиционных концепций универсализма прав, по мнению авторов, занимающихся этими проблемами, представляется во многом проблематичным в силу личностных их ориентаций (см. [17, с. 134]). Более целесообразным для человечества было бы, по мнению Ю.И. Малевич, перейти к проблеме обеспечения прав человека на основе «концепции международных гарантий корпоративных прав населения, которые должны позволять сообществу обеспечить в зоне конфликтов не права отдельных личностей, что невозможно, а коллективные права этнических групп, общины и даже каждой семьи» [16, с. 333]. Тем самым достигалась бы задача по защите прав и отдельных индивидов, входящие в состав коллектива.

¹ При обсуждении проблемы разоружения Ирака в Совете Безопасности ООН 14 февраля 2003 г. представители государств впервые высказались в поддержку нового цивилизационного подхода в глобальной политике, который должен учитывать новые тенденции обеспечения прав народов во всех внешнеполитических акциях под эгидой ООН.

Права человека не являются принадлежностью какой-то одной эпохи или ступени политического развития, не исчерпываются одной культурой. Нельзя не согласиться в этой связи с утверждением М. Мора, который пишет: «Если вы провозглашаете особое отличие Запада в этом отношении (в отношении к правам человека. – Л.М.), или отстаиваете некое изначальное отсутствие идей прав человека у азиатов, то вы, вероятно, дадите настолько узкое определение прав человека, что делаете их невозможными для признания другими» (см. [17, с. 134]).

В заключение сделаем некоторые выводы.

1. Действующие в современном международном праве универсальные фундаментальные нормы по правам человека должны признаваться и соблюдаться всеми государствами. В итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН вновь подчеркнула их значимость, отметив при этом, «что все права человека универсальны, неделимы, взаимосвязаны и подкрепляют друг друга и что ко всем правам человека надо подходить справедливо, равным образом, одинаково, с одной и той же степенью внимания. Хотя необходимо учитывать значение национальных и религиозных особенностей и различного исторического, культурного и религиозного фона, все государства, независимо от своих политических, экономических и культурных систем, обязаны поощрять и защищать все права человека и основные свободы» [18].

2. Сегодня политико-правовая надстройка в виде политических и правовых норм, идеологических и внешнеполитических доктрин и концепций стала зоной концентрации интересов государств. При этом общечеловеческое и человекоцентристское видение основных проблем современности становится все более определяющим во внешней политике государств. Не заменяя классового, национального или государственного подходов, оно будет не просто постоянно присутствовать при принятии всех важнейших решений, но станет господствующим в отношении всех других подходов. С развитием тенденции глобализма в мировой политике будет происходить коренная переориентация ценностных моделей прав человека. Важным механизмом на этом пути может стать деятельность нового органа ООН – Совета по правам человека ООН, который должен будет нести ответственность за обеспечение всеобщего уважения прав человека и защищать все права человека и основные свободы всех людей без каких бы то ни было различий, на справедливой и равноправной основе.

3. Существование различных культур, религий и цивилизаций и их противостояние – реальность современного мира. Считается, что его облик сегодня формируется взаимодействием 4–5 цивилизаций: европейской, исламской, африканской, китайской и др. В обобщенном виде выделяют западный и восточный тип цивилизаций. Указанные цивилизации придерживаются ценностей, которые не всегда совпадают между собой¹. Противостояние цивилизаций, ха-

¹ Был проведен анализ 100 ценностных установок в различных обществах. Он показал, что ценности, имеющие первостепенную важность на Западе, гораздо менее важны в остальном мире. Сказанное относится и к восприятию прав человека, и к связанным с ними вопросами, такими, как суть человеческой личности, отношение между обществом и индивидом и другие проблемы прав человека. Так, ценностной базой системы интересов государств западного цивилизационного типа является человек. Особенность западного менталитета – индивидуализм, защита частного сектора. Экономической основой западного типа государств является частная собственность.

ракетное для современного мира, характеризуется тем, что в его основе находится не идеология и не экономика, хотя и они влияют на разрушение гармонии мира. Американский философ С. Хатингтон усматривает источник будущих мировых конфликтов в культуре. Столкновение цивилизаций, считает он, станет доминирующим фактором мировой политики. Линия разлома между цивилизациями – это и есть, по его мнению, линия будущих фронтов [3, с. 33]. Такие неутешительные прогнозы подтверждаются современными процессами, в частности трагическими событиями 11 сентября 2002 г., когда был брошен открытый вызов исламского фундаментализма американско-европейской цивилизации¹.

Многообразие глобальной цивилизации, в которой делаются попытки внедрения универсального (единого) кода демократических ценностей, ставит человечество перед необходимостью постепенного, естественного взаимодействия культур с целью освоения ценностей и стандартов иных культур общественным сознанием народов, их моралью, непротиворечивостью религии и общественных нравов. Форсирование же этого процесса развитыми странами может привести – и приводит – к обратному результату. Лишь осознание общности и принятие особенностей путей развития других стран позволит выявить действительно универсальные человеческие ценности и придать международной правовой системе в целом мощный импульс для дальнейшего развития. В этой связи возрастает роль различных инициатив в отношении диалога между культурами, цивилизациями и религиями. Ценность таких инициатив, включая диалог о межконфессиональном сотрудничестве, была подтверждена Генеральной Ассамблеей ООН в принятой ею Декларации и Программе действий в области культуры мира, а также Глобальной повестке дня для диалога между цивилизациями и ее Программе действий. В рассматриваемом документе сказано: «Мы обязуемся предпринимать действия, направленные на содействие формированию культуры мира и развитию диалога на местном, национальном, региональном и международном уровнях, и просим Генерального секретаря изыскивать пути укрепления механизмов осуществления и последующей деятельности в развитии этих инициатив. В этой связи мы также приветствуем инициативу «Альянс цивилизаций», объявленную Генеральным секретарем 14 июля 2005 года» [18]. Глобальное сообщество, которое формируется сегодня, по мнению Генерального секретаря ООН [19, с. 11–112], должно строиться и уже сегодня строится на основе общих ценностей, скрепленного узами человеческой солидарности и вдохновляемого взаимным уважением и взаимопониманием между людьми, являющимися носителями различных культур.

Ценностная база системы интересов государств восточного цивилизационного типа – это общество, государство. Особенность восточного менталитета – коллективизм, защита общего интереса. Экономической основой этого типа государств является коллективная собственность – общественная, огосударствленная, государственная частная собственность.

¹ В значительной мере это связано с тем давлением США, которое ощутили большинство стран мира в конце XX в. в связи с образованием однополярного мира, позволившего США диктовать свои правила другим странам.

Summary

L.H. Mingazov. Universality of Human Rights and Cultural Diversity of the World.

One of the most disputable problems in the context of human rights is the question of their universality or relativity. In international legal doctrine it is discussed in the format of universality, regions and cultural relativity.

The adherents of cultural relativity, including the representatives of the UN member-states, deny the universal character of human rights, admitting and justifying whatever deviations and restrictions of the latter. The work reveals inconsistency of the arguments in favour of this position both in formal juridical and substantial approach.

The tendency to documentary recognition of universal rules on the regional level is evident. However, it is accompanied by the problems of shaping and realization the rules, regulating human rights in regional acts.

Due to this fact the task of coordination of various legal cultures, traditions and customs in the process of creation, subsequent interpretation and realization of the rules, regulating human rights remains to be the matter of great importance.

Nowadays, globalization is the factor, which creates conditions for interaction and cooperation of states. And as far as global space cannot exist without proper standards, globalization of policy and economy should be supplemented by globalization of human rights.

Key words: universality, cultural diversity of the world, regionality, globalization, human rights, UNO/ONU.

Литература

1. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. – Рим, 4 ноября 1950 г.
2. Американская конвенция о правах человека. – Сан-Хосе, 22 ноября 1969 г.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33–48.
4. Сунатаев М.А. Права человека в традиционном обществе (на материале обычного права в странах Тропической Африки) // Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма, 2002. – С. 353–367.
5. Всемирная конференция по правам человека. – Вена, 17 июня 1993 г.
6. Лимей Ю. Законодательство КНР и Пакты о правах человека // Юрист-международник. – 2004. – № 1. – С. 52–55.
7. UN Doc. A/C. 3/39/SR.65, paras 91-95 (1983).
8. Заявление министра иностранных дел и главы делегации Индонезии. Всемирная конференция по правам человека. Вена. 14 июня 1993 г.
9. Заявление представителя Югославии в Комитете по правам человека // UN Doc. CCPR/ C/SR. para 33 (1993).
10. Права человека и процессы глобализации современного мира / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма, 2007. – 464 с.
11. Всеобщая исламская декларация прав человека. – Ст. 19, 20.
12. Международный Пакт о гражданских и политических правах. – Ст. 4.
13. Права человека: Сб. универсальных и региональных междунар. документов. // Сост. Л.Н. Шестаков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 205 с.
14. Doc. A/CONF.157/ ASRM/7.
15. Зорькин В.Д. Конституционные основы развития цивилизации в современном глобальном мире // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. – Казань, 2007. – Вып. 2. – С. 16.

16. *Малевич Ю.И.* Права человека в глобальном мире. – М.: АСТ, 2004. – 368 с.
17. *Мор М.* Международные контрольные механизмы в области прав человека: возможности и пределы // Права человека в истории человечества и в современном мире / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1989. – С. 134–137.
18. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года, Генеральная Ассамблея ООН, 60-я сессия. – ООН.А/60/L.1.
19. *Кофи А. Аннан.* Отвечая на вызовы в меняющемся мире: ежегодный доклад о работе организации. – Нью-Йорк, 2006. – 113 с.

Поступила в редакцию
02.04.08

Мингазов Ленарис Харисович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права и прав человека Казанского государственного университета.